

Глава VII

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

Датирование

Исследуя историю текста того или иного памятника, мы должны по возможности установить даты его списков, редакций и самого памятника. Если такая точная датировка невозможна, мы должны постараться установить крайние хронологические пределы, между которыми список, редакция или первоначальный текст памятника были составлены. Границы времени должны указывать: когда всего ранее (*terminus post quem*) и когда всего позднее (*terminus ante quem*) был составлен список, редакция или сам первоначальный текст памятника.

Все датировки между собой тесно связаны. От установления дат списка или списков зависят даты редакции, а от тех и других — установление даты произведения. Начинать следует с установления дат списков, тем более что датировка списков — легче, чем датировка редакций или произведений.

Проще всего обстоит дело в тех случаях, когда дата имеется в самом списке.

Отметки о времени написания рукописи могут встретиться в разных ее местах, но чаще всего они встречаются в конце, в послесловиях переписчиков.

Так, Хронограф в списке ГПБ, F.IV.178 имеет следующее послесловие переписчика: «Слава съвршителю богу нашему, а писал сию книгу много-

грешный во иноцех Васиан пореклу Дракула, а замышлением и повелением господина старца Дософеа лета 7046».¹

При датировке списка следует иметь в виду, что находящаяся в нем дата может относиться не к самому списку, а к оригиналу, с которого он скопирован, или к той или иной редакции памятника, или же даже к самому памятнику. Дата могла быть бездумно повторена переписчиком, если он механически переписывал текст. Во всяком случае, принимая имеющуюся в тексте списка или в приписках к тексту дату за дату списка, текстолог обязан привести свои соображения, исключающие все другие возможности.

Если список не датирован, то вопрос о дате списка решается на основании палеографических данных — материала, на котором написана рукопись, филиграней, если это бумага, характера почерка, украшений. Эти признаки рассматриваются палеографами в специальных работах по палеографии, поэтому здесь мы ими не занимаемся. Следует только отметить, что для датировки списков, помимо палеографических данных (обычно самых важных), имеют значение показатели языка,² взаимоотношение списка с другими списками и редакциями того же памятника. Образцом всестороннего решения вопроса о датировке может служить статья Н. А. Мещерского «К вопросу о датировке Виленского хронографа».³

Наиболее достоверные данные для датировки бумажных рукописей извлекаются из анализа филиграней с привлечением соответствующих спра-

¹ Ср. в конце редакции Ионы Думина «Жития Александра Невского»: «Справлено же бысть чудное житие се благовернаго великаго князя Александра Невскаго чудотворца в лето 7099-го (1590 г. — Д. Л.) марта в 9 на память святых великих страстотерпец 40 мученик, иже в Севастии. В сие же бысть лето луна 12, круг солнцу 15, индиктион 4, в руце лето 4, основание 15, епакта 6» и т. д. (В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, тексты. С. 123–124). Ср. менее точное указание в начале Владимирской редакции «Жития Александра Невского»: «Егда же достигшу лет, в няже скипетры Русского царства дръжашу благочестивому царю, великому князю Ивану Василиевичю всея Руси, и сему вложи бог в сердце мысль благу, еже прославити угодника божиа, непобедимаго въина, втораго Константина, новаго Владимира, крестившаго Рускую землю, предивнаго чудотворца, великаго князя Александра. Правящу же престол Руския митрополия преосвященному Макарию, митрополиту всея Руси. И повелением самодръжца, оному о сем подвигшуся вседушьне с всем священным събором, и изыскавше известно, с всяцем испытанием, о чудесех бывающих от честныя его раки. Сице ж ему и мене убогаго понудившу списати сие похваление» (Там же. С. 16).

² Вопрос о том, как пользоваться данными языка для определения датировок и местного происхождения рукописей, в данной работе не затрагиваем. Это вопрос языковедческий и притом очень сложный. Элементарные сведения см.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 74–95.

³ ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955.

вочных альбомов Н. П. Лихачева, Брике, К. Я. Тромонина, И. Каманина, И. Лаптева и др.¹

Существенной трудностью при определении даты списка по филиграням является трудность проверить филигрань по всем справочным пособиям. Редкая научная библиотека обладает всеми справочными пособиями по

¹ Основная литература о бумажных водяных знаках: Н. П. Лихачев. 1) Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк, с приложением 116 таблиц с изображением бумажных водяных знаков. СПб., 1891; 2) Палеографическое значение бумажных водяных знаков: ч. I. Исследование и описание филиграней, с приложением семнадцати фототипических таблиц. СПб., 1899; ч. II. Предметный и хронологический указатель. СПб., 1899; ч. III. Альбом снимков. СПб., 1899. 4258 снимков; Приложения: таблицы, поясняющие в хронологическом порядке изменение формата и строения бумаги. СПб., 1899; С. М. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Avec 39 figures dans le texte et 16112 facsimilés de filigranes, t. 1-2. 2e éd. Leipzig, 1923-1936; W. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935; V. Mošin, S. Traljic. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, t. I-II. Zagreb, 1957; W. J. Tschudin. The Ancient Papermills of Basle and their Marks. Hilversum 1958; G. Eineder. The Ancient Papermills of the former Austrohungarian Empire. 1960; К. Я. Тромонин. Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844; И. П. Лаптев. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. СПб., 1824; С. И. Маслов. Из истории русской филигранографии. (Неизданная часть работы К. Тромонина «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге», М., 1844). — Изв. АН СССР, VII серия, ООН, 1934, № 3; I. Каманин, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI и XVII вв. (1566-1651). Київ, 1923; З. Участкина. Водяные знаки русской бумаги. — Труды Института истории естествознания и техники, т. XII. М., 1956; С. А. Клепиков. Филигрانی и штемпели русского производства XVIII-XIX вв. — Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. XIII. М., 1952; С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». Материалы для датировки рукописных и печатных текстов. — Там же, вып. XX. М., 1958; М. В. Кукушкина. Филигрانی на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX вв. Обзор собрания П. А. Картавова. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, вып. II (XIX-XХ века). М.; Л., 1958; А. С. Герасимов. Филигрانی XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963; Э. Лауцявичюс. Бумага в Литве в XV-XVIII в. Вильнюс, 1967 (книга на литовском языке с русским резюме; в 1979 г. книга переиздана там же в сокращенном русском переводе); О. Я. Мацюк. Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.). Київ, 1974; С. А. Клепиков. Филигрانی на бумаге русского производства XVIII — начала XX в. М., 1978; Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980. — Кроме того в серии «Monumenta chartae papugaseae» переизданы основные альбомы филиграней, в том числе и русских.

филиграмм. Обычно каких-то справочников нет в одной библиотеке, но есть в другой. Но как быть, если описываются рукописи в каком-либо небольшом музее или библиотеке небольшого города? Филиграммы приходится срисовывать и проверку производить в рукописных хранилищах Москвы или Ленинграда. Общий выход из этого трудного положения мог бы быть легко найден, если бы нашлась возможность (а эта возможность сравнительно легкая) с помощью множительных аппаратов воспроизвести все альбомы, рассортировать изображения по темам с сообщением дат каждой филиграмме и, составив таким образом сводный каталог всех изданных филиграмм, разослать его в основные рукописные хранилища. План такого сводного каталога всех изданных и датированных филиграмм предложил в свое время (лет десять назад) проф. Даниэль Кларк Уо, но идея его так и не была осуществлена, а между тем каталог серьезно облегчил бы работу датировки бумажных рукописей.

Как же быть сейчас, пока такого сводного каталога нет? Я думаю, что описывающий рукописи при ссылке на филиграммы обязан кратко сослаться на то, по каким справочникам филиграмм он проверил ту филиграмму, по которой он датирует рукопись. Особенно важно указать всю бывшую доступной исследователю справочную литературу, когда филиграмма не найдена. Не найдена филиграмма, но где не найдена. Это важнее всего. Поиски филиграммы тогда могут быть продолжены.

Следует всячески поощрить инициативу сотрудника Рукописного отдела ГПБ В. М. Загребина, составившего несколько пособий для отыскания интересующих исследователей филиграмм. Это «Свод изображений филиграмм "Кувшинчик"» (Л., 1975), «Свод изображений филиграмм "Рука"» (Л., 1976), «Свод изображений филиграмм "Горы"» (Л., 1977), в которых сгруппированы по характерным признакам соответствующие филиграммы, извлеченные из всех известных альбомов. Три пособия, составленные В. М. Загребиним, позволяют более быстро находить нужную филиграмму в известных работах Н. П. Лихачева: *Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1981. Альбом филиграмм. Систематизировал по сюжетам и снабдил указателями В. М. Загребин (Л., 1978); Филиграммы рукописей ГПБ в работе Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Ч. I—III. СПб., 1899. Указатель. Сост. В. М. Загребин (Л., 1978); Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Альбом филиграмм. Систематизировал по сюжетам и снабдил указателем В. М. Загребин (Л., 1982). К сожалению, эти ценные пособия пока не изданы и находятся в Отделе рукописей ГПБ.*

Данные о почерке рукописи обычно бывают менее точны, так как почерки меняются медленнее, часто отличаются индивидуальными чертами, сохраняют подчас архаичные черты у пожилых переписчиков или в отдаленных местностях. Во всяком случае, претензии некоторых палеографов датировать рукописи по почеркам с точностью чуть ли не до десятилетия не могут быть признаны основательными. Предположения, что один писец может в скорописи несколько раз за свою жизнь менять почерк, противоречи-

ли бы данным физиологии. Только в уставе — почерке медленном, в котором отдельные буквы не столько пишутся, сколько рисуются, возможны смены почерков, как они возможны и у каллиграфов или художников, рисующих плакаты. Известны случаи, когда переписчики уставных пергаменных рукописей подражали уставу своего оригинала, с которого они списывали рукопись, или намеренно архаизировали почерк. Вот почему при анализе уставных и отчасти полууставных почерков ни в коем случае не следует забывать основного палеографического правила: датировать почерк не по большинству начертаний, а по самым молодым из встретившихся начертаний отдельных букв. Подражая старому почерку, писец где-нибудь да «проговорится», введя новое начертание — начертание своего времени; только оно и будет датировать рукопись.

По отношению к текстологии палеография является вспомогательной дисциплиной. То обстоятельство, что славяно-русская палеография развивается как наука очень медленно, внушает серьезные опасения¹. Одна из первоочередных задач палеографии — это продолжение изучения исторической изменчивости почерков как основания для датировки рукописей. Для этого необходимо, чтобы какое-нибудь филологическое или историческое научное учреждение взяло на себя составление фототеки датированных рукописей. Такая фототека могла бы послужить основой для более глубокого, чем сейчас, анализа почерков славяно-русских рукописей и составления точно обоснованной истории письма.

Если тексты отдельных списков исследованы и выявлены их индивидуальные особенности, то особенности эти могут указывать на время их возникновения.

В. Н. Перетц исследовал индивидуальные особенности списка XVIII в. «Повести об Акире Премудром», А. В. Лонгинова — ее третьей редакции. Вот некоторые из этих особенностей, говорящие о переделке третьей редакции повести в Петровское время: «Акир, обучив Анадана, отдал его царю Синографу “для науки всякаго обхождения в поступках и в протчем обходительстве”»; Анадан “во едино время пошед в царской кабинет, умысля написал указ”; Акир является “тайным советником”; царь Синограф, “собрав всех своих сенаторов и знатных персон державы своей в особливую палату”, говорит им: “господа сенаторы и прочие предстоящие, известно мне учинилось” и т. д. — в стиле документов XVIII в.; выслушав речь царя, — “сенаторы приговорили”; египетское войско насилует “мещанских и протчих дочерей”; царь скорбит “всем своим корпусом”; “от царства до царства” “курьеры” едва успевают за 50 дней; Акира-победителя царь встречает “при пушечной стрельбе”, празднуют “тридневное торжество с колокольным звоном и пушечною пальбою”; начало плача укладывается в вирши:

¹ Особенно медленно развивается палеография нового времени. См. об этом: С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. X. М., 1962. С. 393.

О, Акире мой прекрасный,
Учинил ты ныне гласы мои безгласны!....»¹.

*

Датировка редакций произведения и самого произведения практически производится одними и теми же способами. Каждый раз необходимо только точно отграничивать каждый этап истории текста произведения и точно устанавливать, что именно мы датируем, так как датирующие указания могут относиться к разным этапам жизни памятника.

Датирующие признаки могут быть очень разнообразны: здесь могут приниматься во внимание различные хронологические выкладки и отсчеты времени в тексте, указания на тех или иных лиц как на живых или умерших, упоминание событий или исторических явлений, даты которых установлены, соотношение с другими произведениями (ссылки на произведения, время появления которых известно, следы влияния этих произведений и т. д.), указания на даты празднования переходных праздников (совпадение с воскресеньем какого-либо числа месяца)², данные языка, орфографии (если памятник может быть датирован только в пределах крупного периода времени) и т. п.

Рассмотрим некоторые из этих датирующих признаков.

При определении дат произведения и его редакций следует особенно обращать внимание на имеющиеся в некоторых из них отсчеты от времени того или иного описываемого события до «нашего времени», т. е. до времени, когда работал автор или редактор. Обычно переписчик, который просто переписывал текст, механически сохранял дату, но редактор, перерабатывающий текст, подновлял и эту дату. Поэтому такого рода отсчеты лет «до нашего времени» очень показательны, и текстолог обязан давать им объяснение. Так, например, в «Русском хронографе» имеется статья «Об отложении мяса». В этой статье читаются разные даты — в зависимости от того, к какой редакции относится данная рукопись «Русского хронографа». Так, например, редакция 1512 г. определяется по следующему виду этой статьи: «Подвижнии убо отцы изначала мяса не ядяху, но нецы же глаголют яко на 5 соборе отложено, но не обретається сие ни в котором соборе. Феодор Студит был на седмом соборе за седьмь сот лет без двадесятих до скончания седмыя тысящи, а до сих времен за седьмь сот лет как был Феодор Студит... В том же пишет Никон в последнем слове, в послании, яко ныне благодатию божиею совершенно отложено иноком мясо. Собора ни единого не помяну, но

¹ В. Н. Перетц. К истории текста Повести об Акире Премудром. — Изв. ОРЯС, 1916., т. XXI, кн. 1 (отд. отт.), С. 5–6.

² О вычислении дат рукописей и памятников по дате переходных праздников см.: Н. В. Степанов. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907; Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944. С. 41 и сл.

просто рече ныне, а как Никон был до скончания седмыа тысяща за четыреста лет и двадесять, а до сего времени мало болши». Расчет лет указывает, что этот вид статьи «Об отложении мяса» составлен в 7020 (1512) г. Другие виды дают и другие цифры; например: «Федор Студит быв по седмом соборе от Адама в лето 6288 (780)... а был Никон в лето 6580 (1072)». Вторая редакция «Русского хронографа» составлена в 1617 г. Датируется она опять-таки по статье «Об отложении мяса». Последняя имеет во второй редакции «Русского хронографа» следующий вид: «Феодор Студит был на седьмом соборе в лето 6342, а до сих времен за 783 лета... Никон уже был в лето 6580, а до сего времени за 545 лет». Русские события в этой редакции доведены до первых лет царствования Михаила Федоровича, что также подтверждает время создания второй редакции.

В Новгородской первой летописи в младших ее списках под 1049 г. читается: «А ту стояла святая Софья конец Пискупле улице, идеже ныне (подчеркнуто мною. — Д. Л.) поставил Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом»¹. В тех же летописях под 1167 г. говорится: «На ту же весну заложи Сотко Сытениць церковь камену святого Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростислалци при архиепископи Ильи»². Отсюда ясно, что летописец, составивший летописную статью 1049 г. Новгородской первой летописи младшего извода, писал в 1167 г. или в ближайшее после 1167 г. время. Значит ли это, что и самый младший извод Новгородской летописи относится к этому времени? Для того чтобы решить этот вопрос, надо исследовать всю историю текста Новгородской первой летописи. Простое извлечение даты здесь недостаточно.

Датирующими признаками являются также упоминания в рукописях имен русских святых, время канонизации которых известно³, и титулов: великий князь, царь, архиепископ, архимандрит, патриарх. Так, например, если мы встречаем добавление к имени московского митрополита Алексея «новый русский чудотворец», то это будет означать, что текст относится ко времени после 1431 г., когда были обретены его мощи, но не позднее середины XVI в., так как выражение «новый» не могло держаться долго. Титул «великий князь» появился на Руси не ранее XIII в.⁴ Царский титул был утвержден патриаршею грамотою в 1562 г. Патриарх на Москве появился с 1589 г. Титул архиепископа новгородские владыки получили в середине XII в.⁵ В Со-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 181.

² Там же. С. 219.

³ А. Дмитриевский. Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности. — Православный собеседник, 1884, январь. С. 81–84.

⁴ А. Е. Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 62, примеч. 2.

⁵ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948. С. 248.

ловецком монастыре «архимандрития» учреждена в 1561 г. Сведения такого рода текстологу необходимы. Пользование ими дает возможность относительно определенно датировать тексты.

К датирующим же указаниям относятся сведения о том или ином лице как о живом или как о мертвом. Зная дату смерти этого лица, нетрудно усмотреть в этих сведениях указания на время, когда памятник мог быть создан. Такими же указаниями могут служить сведения о различных явлениях истории, истории культуры, датировка которых нам известна.

Приведу примеры. Исследователи летописания указывали, что Воскресенская летопись по разным признакам составлена, по-видимому, в 40-х годах XVI в. С. А. Левина уточняет эту дату следующими соображениями: «В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Воскресенской летописи, последним назван Макарий, а он стал им 19 марта 1542 года. В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение "нынешний король", а он был королем до 8 октября 1544 года. Следовательно, Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 года и 8 октября 1544 года»¹. Последнюю дату необходимо, конечно, несколько оттянуть: должно было пройти некоторое время, пока о литовском событии узнали в Москве.

Хронологические выкладки внутри текста переводного памятника по тому или иному поводу помогают также вычислить время его перевода на славянский язык. Так, время составления сербского перевода греческой хроники Зонары устанавливается на основании следующего замечания переводчика по поводу предсказания о том, что Константинополь будет существовать 696 лет. Переводчик заметил по этому поводу, что Константинополь существует и до настоящего времени: «Съвршениу же бывшу Константину граду в 11 день маиа месяца и вънегда съврши сего, сътвори праздник глаголемый обновление и рождение. От създаниа же миру бе лет 5838, яко быти Константину граду от създаниа его даждо днесь лет 6 тысищъ и 850 и двема». «Этим вычислением, — пишет А. Попов, — переводчик хотел сказать, что Константинополь продолжает существовать от 5538 до нынешнего 6852 года, т. е. 1344-го. Отсюда и делаем заключение, что Зонара был переведен на сербский язык в 1344»².

Иногда неверная интерпретация текста или неполные сведения о его источниках могут повлечь за собой ошибки в датировке.

Исследователь хронографов приводит следующий пример³. А. А. Шахматов посчитал, что первоначальная редакция «Русского хронографа» составлена в 1442 г. на том основании, что, согласно Западнорусской редакции па-

¹ С. А. Левина. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955. С. 376.

² А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869. С. 14–15.

³ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 190–192.

мятника (которую ученый возводил к первоначальному тексту), византийский император Иоанн Палеолог правил 17 лет. Так как в действительности Иоанн правил более 23 лет, А. А. Шахматов предположил, что Хронограф был составлен на восемнадцатом году его царствования ($6933 + 17 = 6950$, т. е. в 1442 г.)!

В действительности же все обстояло иначе. Дату воцарения Иоанна составитель Хронографа извлек из статьи «Царие, царствующие в Константинограде, православнии же и еретици». В этой статье указывалось, что Иоанн вступил на престол в 6933 г. Эти сведения и перенес в текст Хронографа его составитель. К царствованию Калюяна в редакции 1512 г., лучше отразившей первоначальный текст Хронографа, были отнесены русские события за 6933–6949 гг. Составитель же Западнорусской редакции, восходящей к редакции 1512 г., на этом основании высчитал, что Иоанн правил 17 лет ($6949 - 6933 = 16 + 1 = 17$). Однако если мы проанализируем другие случаи соотношения русских событий с царствованием того или иного византийского императора, то увидим их произвольность. Так, в главу, посвященную царствованию Василия II (умер в 1025 г.), попали русские события вплоть до 1054 г., в пределах царствования Константина Мономаха (1042–1055) оказываются события 1054–1078 гг., к царствованию Андроника III Палеолога (1328–1341 гг.) отнесены события 1344–1356 гг. и т. д. Следовательно, помещение в царствование Иоанна Палеолога событий вплоть до 6949 (1441 г.) отнюдь не говорило о том, что, по мнению хрониста, Иоанн правил 17 лет.

Итак, датировка, казалось бы, вытекающая из самого текста источника, оказалась ошибочной, поскольку А. А. Шахматову не были известны источник Хронографа и соотношение его редакций.

В некоторых случаях для датировки появления того или иного произведения имеют существенное значение прямые указания в сторонних памятниках. Так, например, мы могли бы сомневаться в том, когда стала известна на Руси «Повесть о Бове Королевиче». Как известно, ранних списков ее не сохранилось (древнейший список ее середины XVII в.)¹, указания в тексте отсутствуют и, наконец, косвенные данные спорны. Дело решается, однако, посланием некоего Ивана Бегичева второй четверти XVII в., в котором читается следующий упрек, обращенный им к кружку московской служилой аристократии, представители которого, кроме «баснословные повести, глаголемыя еже о Бове Королевиче, и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, иже о куре и лисице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писм, — божественных книг и богословных дохмат никаких не читали»². Следовательно, во второй четверти XVII в. перевод Бовы уже существовал во многих списках, он был популярен.

¹ В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская. Библиография древнерусской повести, вып. 1. М.; Л., 1940. С. 155–157.

² А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. М., 1898. Отд. отт. из «Чтений в ОИДР». С. 4.

Большое датирующее значение имеют следы влияния исследуемого произведения на другие датированные памятники. Так, например, в начале изучения Пролога, когда вопрос о времени его перевода был неясен даже приблизительно, большой интерес представили указания И. И. Срезневского на следы знакомства с ним в Новгородской летописи под 1212 г.¹, И. А. Шляпкина на следы влияния Пролога в «Поучении» Владимира Мономаха и в «Поучении» Луки Жидяты².

Как *terminus post quem* должно быть принято указание, извлекаемое из даты произведения, повлиявшего на изучаемый памятник. Допустим, если установлено, что на «Задонщину», памятник, возникший на рубеже XIV и XV вв., повлияло «Слово о полку Игореве», то это значит, что само «Слово» возникло никак не позднее этой даты.

В некоторых случаях (особенно если содержание памятника не дает никаких зацепок) приходится для датировки памятника прибегать к очень сложным соображениям. Так, Н. А. Бакланова датирует «Повесть о Ерше Ершовиче» концом XVI в., привлекая для доказательства следующие материалы. Во-первых, она исследует терминологию судебного процесса, употребляющуюся в «Повести», и вскрывает в ней ряд весьма старых терминов. Во-вторых, Н. А. Бакланова рассматривает общий характер судебного процесса в «Повести» и находит, что, поскольку процесс этот изображен обвинительным, а не состязательным (а состязательным процесс стал только в XVII в.), можно рассматривать его как изображение процесса именно XVI в. В-третьих, в «Повести» вместо «гость» говорится «сурожанин». Это также термин древний, указывающий, что «Повесть» не могла быть составлена в XVII в. В-четвертых, в «Повесть» введен эпизод с отпуском на волю холопа и переводом его в крестьяне, причем имеется в виду холопство полное или «обельное». Это явление более типично для XVI в., чем для XVII. В-пятых, о раннем времени свидетельствует и изображение в лице Ерша мелкопоместного обнищавшего служилого человека (сына боярского), охотящегося за землей, населенной крестьянами. В-шестых, большое количество редакций и вариантов указывает на продолжительность существования «Повести о Ерше». В-седьмых, некоторым указанием может служить и дата, с которой начинается «судный список», — 1596 год. В-восьмых, если бы «Повесть» была составлена в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в. или вскоре после него, то события этого времени, потрясшие все государство и вызвавшие целый ряд литературных произведений, не могли бы не найти отражения в «Повести», все содержание которой проникнуто живой действительностью, — тем более что Ростовская область непосредственно

¹ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882. С. 90.

² И. А. Шляпкин. Лекции по истории русской литературы, ч. 1, вып. 2. СПб., 1913 (литографированное издание). С. 60. Ср. также: Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей X—XI вв. СПб., 1906. С. 144—149.

испытала власть интервентов. В-девятых, отнесению «Повести» к концу XVI в. не противоречат ее ясно выраженный сатирический смысл и форма, использующая жанр деловой письменности: резкое усиление сатирической направленности литературы наблюдается уже во второй половине XVI в.; широкое применение форм деловой письменности — челобитных, посланий — также представляет характерное явление именно этого времени (в литературной деятельности Ивана Грозного, Пересветова и т. д.); в начале XVII в. появляются и пародии на эти деловые жанры — «Послание дворительное недругу», «Сказание о куре и лисице»¹. Таковы аргументы Н. А. Баклановой. Нужно, однако, сказать, что хотя аргументов и много, но каждый из них не является решающим, и поэтому вопрос о датировке «Повести» все еще остается открытым. Датируя то или иное произведение, надо всегда иметь в виду, что один основательный аргумент стоит любого числа малоосновательных и косвенных.

Текстолог, датирующий памятник, его редакции или списки, должен обязательно быть осведомлен в истории русского языка и, в известных пределах, в истории других славянских языков. Он должен уметь определить извод русский, болгарский, сербский, отметить особенности языка и орфографии списка и т. д. Язык и орфография имеют важное датировочное значение. Они должны приниматься во внимание текстологом во всех случаях. Если они не дают решающих примет времени, то по крайней мере текстолог должен быть уверен, что ни данные языка, ни данные орфографии не противоречат его выводам, которые он извлек из примет другого характера.

Датирующие данные могут быть извлечены из диалектных особенностей, имеющих свои хронологические пределы (так, например, в новгородских рукописях мена «ч» и «ц» характерна только в пределах до конца XV в.), из употребления времен глаголов, из данных лексических и фонетических, из употребления элементов южнославянской орфографии и т. п.

Здесь не место давать сведения по истории русского языка и орфографии. Отмечу только, что наблюдающаяся в последнее время слабая осведомленность текстологов, литературоведов и историков в области истории русского языка отрицательно сказывается во всех звеньях текстологической работы, начиная от прочтения текста и кончая вопросами атрибуции памятника, определения его времени и места возникновения.

¹ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче». — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955.

Каковы бы ни были, однако, отдельные аргументы в защиту той или иной датировки, вопрос о дате произведения нельзя отрывать от истории его текста. Этого требует основной принцип текстологических исследований сформулированный нами выше — в начале книги: принцип комплексности. Необходимо датировать не только создание авторского текста, но по возможности отдельные редакции, виды, списки произведения. Когда перед нами раскрыта вся история текста произведения, и дата авторского текста приобретает большие основания, становится прочнее. Мы видели выше, что шестым аргументом Н. А. Баклановой в пользу раннего происхождения «Повести о Ерше» было наличие большого числа редакций и вариантов этого произведения. Однако представьте себе, что эти редакции и варианты относятся по преимуществу к концу XVII и к XVIII в. — в этом случае аргумент этот не имеет никакого значения или имеет значение даже обратное. Другое дело, если выяснится, что редакции и варианты «Повести» в основном датируются довольно ранними годами. Конечно, необходимо иметь в виду, что датировать редакции и виды произведения бывает по большей части труднее, чем авторский текст, но зато списки датировать легче всего, а ведь датировка списков, особенно произведений XVI и XVII вв., имеет некоторое значение.

Итак, датируя произведение, всегда необходимо иметь в виду по возможности полную историю его текста, даты и взаимоотношение редакций, видов и списков.

Кроме того, конечно, по возможности необходимо мобилизовать все сведения о местности, в которой могло возникнуть произведение, об авторе, об идейном содержании произведения, о его языке, стиле и т. д. Датировка произведения должна ввести это произведение не просто в летоисчисление, а в историю литературы, в историю языка, в историю общественной мысли, в историю быта, искусства и т. д. Вопрос о дате произведения есть вопрос о месте произведения в историческом процессе, в самом широком и разнообразном круге связанных с ним проблем. Таким образом, и этот вопрос является вопросом комплексным.

Обращу внимание еще на одно существенное обстоятельство: указаний на время написания памятника в самом тексте летописей довольно много, и обычно они разноречивы. Это распространенное в летописях явление. Объясняется оно тем, что разные указания относятся к разным этапам жизни памятника. Вот почему время создания той или иной летописи и невозможно датировать, не прояснив всех этапов истории ее текста.

Конечно, в простых случаях, когда дата произведения точно выводится на основании немногих убедительных соображений, нет смысла усложнять вопрос привлечением всех фактов, связанных с историей памятника. Принцип комплексности вступает в силу в спорных и неясных случаях, когда у нас нет оснований легко и убедительно определить дату. Комплексное решение вопроса о дате произведения может проиллюстрировать работа

Л. А. Дмитриева «О датировке "Сказания о Мамаевом побоище"»¹. Датировка «Сказания» была чрезвычайно запутана в связи с неясностью основного вопроса — о взаимоотношении редакций этого произведения (как известно, С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов датировали редакции совершенно различно). Поэтому Л. А. Дмитриев начинает свою статью с рассмотрения вопроса о первоначальной редакции этого произведения, затем он привлекает данные исторические и историко-литературные. В результате ему удается дать более или менее убедительное, хотя и не окончательное (ввиду отсутствия прочных данных) решение этого вопроса.

Итак, при установлении времени возникновения памятника должны быть приняты во внимание решительно все хронологические приметы. Решающим приметам должно быть оказано предпочтение; в отношении же других должно быть по крайней мере установлено, что они не противоречат основным указаниям. Кроме того, должно быть полное соответствие между датировками первоначального текста, его редакций и списков. В конечном счете, датировка должна находить себе подтверждение во всей истории текста памятника².

Определение места возникновения произведения

Вопрос о месте возникновения памятника тесно связан с рядом других: был ли его составитель местным жителем, отразились ли в его памятнике местные тенденции, местная идеологическая борьба, в какой мере памятник является по своему содержанию действительно «местным» и в какой — общерусским. Часто местные памятники пишутся пришельцами (например, в Новгороде житие новгородских святых писал серб Пахомий Логофет), компилятор-летописец использует летописи чужого княжества и оставляет в них сведения сугубо местного характера. Автор «Казанской истории» не обязательно писал в Казани; его произведение составлено, по-видимому, в Москве. В Москве же могло быть составлено житие какого-либо вовсе немосковского святого. Житие Зосимы и Савватия Соловецких составлялось то в Соловках, то в Новгороде, то в Ферапонтовом монастыре³. Житие новгородского святого Михаила Клопского составлялось в Новгороде, но мос-

¹ Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.; Л., 1954.

² Рассмотрение общих вопросов древнерусской хронологии не входит в задачу текстологической науки. Литературу по хронологии см. в главе VIII («Особенности изучения текста летописей»).

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 198–203, 269–270.